

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

**«Ухтинский государственный технический университет»
(УГТУ)**

СЕРИЯ «ОСТАЮСЬ С ВАМИ...»

Т. НОВИКОВА

ГЛАВНЫЙ ГЕОЛОГ ЮГА И СЕВЕРА

В великих делах достаточно
одного сильного желания

М. К. Сидоров

Художественно-документальная повесть об А. Я. Кремсе

Ухта, 2014

Серия «Остаюсь с вами...»

Эта книга – о первом профессоре Ухтинского индустриального института, докторе геолого-минералогических наук Андрее Яковлевиче Кремсе. Всей своей жизнью, всеми своими обширными знаниями в геологии и геофизике, всем своим трудом он доказал правоту простой истины: не место красит человека, а человек – место. За что бы ни брался Андрей Яковлевич, будь то руководство всей геологической службой Ухтинского района, или преподавание студентам института, или создание Малой академии наук для старшеклассников, или деятельное участие в общественной жизни города на посту народного депутата горисполкома – он делал это ярко и талантливо.

Книга повествует о непростой, наполненной большими событиями, жизни этого удивительного человека, оставившего свой неповторимый след в истории нашего города и республики.

ОБ АВТОРЕ

НОВИКОВА

ТАМАРА ТЕЛЕКУРАТОВНА

Более 12 лет работала журналистом, редактором городской газеты «Ухта», одновременно успешно сотрудничая с республиканскими и центральными газетами и журналами.

Очерки и рассказы Тамары Телекуратовны опубликованы в журнале «Ухта литературная» и «Книге памяти», а сборник рассказов «Диалог под звездами» – в Коми книжном издательстве. Она является автором книг «Истина рождается в огне» и «Противостояние или Не наступить бы на сердце живое», посвященных трагическим и политическим событиям жизни города. Является членом Союза журналистов России.

В настоящее время Т. Новикова работает в Ухтинском государственном техническом университете. Она написала серию книг, посвященных первым ректорам Ухтинского индустриального института: Г. Е. Панову, В. М. Матусевичу и Г. В. Рассохину. Готова новая серия – о профессорах вуза. Первые из них – о профессоре-филологе Н. В. Вулих и геологе, докторе геолого-минералогических наук, видном общественном деятеле А. Я. Кремсе. Вышла в свет книга-диалогия о первом Главе Республики Коми Ю. А. Спиридонове.

СЛОВО РЕКТОРА

В каждом городе есть улицы, которые определяют неповторимость его лица, создают особый, свойственный только этому месту шарм. Улица Кремса для облика Ухты играет как раз такую роль – олицетворяющую и одухотворяющую, как личность Андрея Яковлевича – для истории города. Конечно, прав наш краевед Анатолий Козулин, который считал, что именем прославленного геолога можно было назвать любую улицу Ухты – столь значительна его роль в становлении и развитии нашего города. И все же для любого ухтинца именно эта улица сегодня играет роль проводника к личности одного из «отцов города». В старой части Ухты всегда будет сохраняться атмосфера минувшей эпохи; мемориальные доски на зданиях города всегда будут напоминать о легендарных ухтинцах; и названия улиц будут звучать гимном нашей благодарности им.

А ведь когда-то улица Кремса называлась Студенческой. Для кого-то этот факт ничего не значит, но тем, кто изучает историю Ухты, кто был знаком с Андреем Яковлевичем или хотя бы интересовался его судьбой, кто имеет отношение к нефтегазовому профессиональному образованию в Ухте, эта переключка наименований не может не показаться по крайней мере любопытной, а по существу – знаковой.

О роли А. Я. Кремса в развитии нашего региона сказно много. Он в течение тридцати четырех лет руководил геологоразведочными работами и научными исследованиями по подготовке сырьевой базы на северо-западе европейской части России. В этот период здесь открыты более тридцати месторождений нефти и газа, в том числе уникальные Западно-Тэбукское и Усинское нефтяные, Вуктыльское газоконденсатное, Войвожское и Нибельское газовые. Эти открытия позволили создать в Республике Коми крупную нефтегазодобывающую промыш-

ленность и осуществить строительство газо и нефтепроводов в центр и на северо-запад.

Мне же хочется упомянуть о том, что имеет непосредственное отношение к нашему университету. Образование, просвещение было одним из векторов многогранной деятельности А. Я. Кремса. Андрей Яковлевич одним из первых выдвинул идею создания в Ухте высшего учебного заведения нефтяного профиля. В Ухтинском индустриальном институте (ныне – Ухтинском государственном техническом университете), который вырос из этой идеи, А. Я. Кремс возглавлял кафедру геологии на общественных началах, читал курсы по истории геологии нефти и газа. Андрею Яковлевичу принадлежало и авторство идеи об организации в городе Малой академии для школьников, желающих поступить в высшие учебные заведения. И эта идея была реализована: Малая академия работала несколько десятилетий. Позже ей на смену пришли другие формы работы со школьниками, но в планах университета – возрождение этой замечательной традиции. Именем Андрея Яковлевича назван университетский геологический музей. А. Я. Кремсу были посвящены многие научные форумы, проходившие в вузе.

Мы часто говорим сейчас о руководителях производственных компаний и научных организаций: «Нас связывают партнерские отношения». Отношения с Андреем Яковлевичем были не просто партнерскими. Для ухтинского вуза он всегда был по-настоящему своим – частью коллектива, профессиональным ориентиром, источником идей и реальных дел. Нам, конечно, хотелось бы видеть на одной из улиц Ухты вывески «Студенческая» или «Университетская», но в том, что бывшая Студенческая стала улицей Кремса, есть символическое указание на выдающуюся роль, которую Андрей Яковлевич сыграл в развитии ухтинского профессионального нефтегазо-

вого образования, Ухтинского государственного технического университета, каждого, кто здесь учится и работает.

*Ректор, председатель Совета
ректоров вузов Республики Коми,
профессор Н. Д. Цхадая*

...1975 год. Ухта отогревалась необыкновенно жарким последним майским днем. Мне девятнадцать лет, я только что избрана секретарем комитета комсомола Комбината бытового обслуживания, и это была моя первая в жизни работа. Я стояла на крыльце ателье «Северянка», обдумывая свой новый жизненный поворот, когда вдруг увидела похоронную процессию, шедшую по Первомайской улице. Что-то было в ней необычным, и я вгляделась внимательнее.

Целый ряд почтенных, пожилых людей медленно и торжественно нес в руках подушечки, на которых сверкали на солнце многочисленные ордена и медали. За ними следовала машина с гробом. А следом, в небольшом отдалении, шла женщина в возрасте – вся в черном. Я во все глаза смотрела на нее: никогда в жизни я еще не видела таких вдов. Она не висла на плечах родственников, не рыдала и не причитала. Ее никто не поддерживал под локти. Она шла одна. Изумительно красивое черное платье, масса роскошных, выющихся волос под тонким черным шарфом, концы которого раздувал сзади ветерок, черные чулки, туфли на высоких «шпильках».

Шла ВДОВА. В поднятой голове, в прямой спине, в размеренном, напряженном шаге было столько скорби и столько боли, что я поежилась. Мне показалось, что я своей рукой прикоснулась к чьей-то открытой ране...

А следом за вдовой, тоже на отдалении, двигалась огромная человеческая река. Я еще никогда не видела столько людей на похоронах. Они шли и шли мимо меня, и казалось, что этой реке нет конца.

На крыльцо высыпали работницы ателье. Я спросила у какой-то женщины, кого это хоронят.

– Да Кремса же, Андрея Яковлевича. Геолога нашего. Ты его не знаешь, что ли?

Я была родом из Сосногорска, жила там. Городской комитет комсомола Ухты направил меня на работу сюда, в Ухту, о жизни которой я тогда мало что знала.

– Кремса? – переспросила я. И мне почему-то стало стыдно, что я никогда раньше не слышала о человеке, которого ТАК хоронят.

...Могла ли я тогда подумать, что пройдет тридцать пять лет, и мне доведется писать книгу об этом человеке, которого город провожал сейчас в последний путь, а я впервые узнала о нем? Его пронесли мимо меня, а я стояла на крыльце под жарким майским солнцем и вглядывалась в живой человеческий поток, заполнивший собой всю Первомайскую улицу.

И было во всем этом что-то такое значительное, такое большое, что я запомнила этот случай на всю жизнь.

Спустя тридцать пять лет мне было поручено написать книгу об Андрее Яковлевиче Кремсе, и я почему-то сразу вспомнила и тот, далекий уже, майский день, и вдову редкой красоты, и сверкающие на солнце медали, и огромную человеческую реку.

Надо же... Какими странными, чудными и непонятными узами иногда связывает нас жизнь!

ЧАСТЬ 1

МАЛЕНЬКИЙ РЫБАК ВСТУПАЕТ В ЖИЗНЬ

Он родился и вырос в местечке Зюд-Остов-Култук – в бывшей Бакинской губернии Азербайджана. Маленький домик из белого саманного камня стоял на самом берегу прозрачной, как океанская лагуна, реки Куры.

Эта река кормила, поила, одевала и обувала всю большую семью Кремсов, глава которой, Яков Григорьевич, был рыбаком. С утра до ночи он проводил на реке, трудясь до изнеможения, ведь у него было двенадцать детей. Старшие сыновья работали вместе с отцом, являя собой полноценную семейную рыбацкую «артель». Мать, Татьяна Ивановна, и дочери тоже считались членами этой «артели», так что вся грязная работа по отбору и чистке рыбы была на них.

Потом отец сдавал рыбу в поселковую заготовительную контору и получал деньги, которых едва хватало на жизнь.

Младший из детей, Андрейка, которому по малости лет полагалось беззаботно бегать на воле, тем не менее никогда не позволял себе этого. С утра он отправлялся вместе с остальными «мужиками» на отцовском баркасе на реку и, как бы его ни прогоняли, наравне со всеми принимал участие в рыболовном деле.

Когда он вошел в шестилетний возраст, отец отдал его в трехклассную церковно-приходскую школу, которую тот закончил в девять лет. Целых два года после этого он продолжал работать в отцовской «артели». Ловили рыбу, чистили рыбу, ели рыбу... Долгие годы потом его преследовал этот рыбный запах, которым он пропитался, казалось, с головы до пят.

Несмотря на трудности жизни, отец все же настоял на том, чтобы смысленный малый продолжал учебу. Он уже давно копил для этого деньги, а когда сыну исполнилось одиннадцать лет, отправил его учиться, да не куда-нибудь, а в самую столицу – в Баку, в шестилетнее училище. Учился там Андрей блестяще, проявил большие математические способности, чем гордилась вся его большая семья.

На втором году обучения от неизлечимой болезни умерла мама. А в год окончания учебы не стало и отца: надорвался от беспросветного труда. Все его небольшое рыболовное хозяйство вместе с домом было продано «с молотка» в уплату долгов...

В 1915 году, в семнадцать лет, Андрей закончил училище и вернулся в родной поселок, где уже не было ни отчего дома, ни родителей. Его приютила у себя старшая сестра Мария, которая к тому времени уже была замужем. Остальные братья и сестры разъехались кто куда в поисках работы.

Осенью того же года он поступил в Бакинское политехническое училище на нефтепромысловое отделение. Там, в Баку, какое-то время проживал и работал брат Егор, который отдавал часть своей зарплаты на пропитание молодого студента, купил ему пальто, рубаху, штаны и ботинки. Потом Егор женился и уехал вместе с женой к ней на родину – куда-то на Украину.

Чем могла, ему помогала и сестра Мария, но он уже давно понимал, что в этой жизни надо укрепляться самому. Он стал подрабатывать тем, что «подтягивал» в учебе отстающих однокурсников. За это их родители подкармливали юношу или платили небольшие деньги.

Во время учебы Андрей увлекся геологией, да так сильно, что его знания в этой области быстро перешагнули за рамки учебной программы. На способного студента обратил внимание известный в Баку ученый, академик, геолог Михаил Вла-

димирович Абрамович. Однажды он взял его с собой в экспедицию в Ясамальскую долину. Все лето они изучали пласты горных пород, проводили исследования, а по возвращении Андрей написал свою первую в жизни статью, которая так и называлась: «Итоги экскурсии в Ясамальскую долину». Она была еще ученической, изобиловала эмоциями, но академик Абрамович похвалил студента и сказал:

– Это твоя первая, но, думается мне, не последняя научная статья. Держись, парень, этой линии, и она приведет тебя к настоящим вершинам.

Тогда старый геолог еще не знал, насколько он окажется прав. Чутье ученого не подвело его: этого любознательного, не по возрасту серьезного мальчишку ждало непростое, но большое будущее...

В это же время страну Россию сотрясала Великая революция, которая, «до основанья все разрушив», вступала в период братоубийственной гражданской войны.

Но Андрею Кремсу, с головой ушедшему в учебу, ни до чего не было дела, кроме нее. Училище он закончил очень успешно и получил специальность техника нефтяных промыслов.

МИР, ПОГРУЖЕННЫЙ В ТИШИНУ

В 1919 году на Баку обрушился сыпной тиф. Он лютовал беспощадно и сотнями косил людей. Не избежал этой участи и Андрей. Свалился однажды в сильнейшем жару, а потом неделями боролся вместе с врачами за свою жизнь. Осматривая как-то молодого доходягу, врач печально цыкнул языком:

– Увы, этот парень не жилец. Последние часы ему остались...

Однако ошибся. «Доходяга» оказался живучим. Правда, свою черную отметину тиф оставил на нем на всю жизнь: в результате парень оглох.

В свой двадцать первый год жизни он вышел из больницы глухим. Весь мир для него погрузился в тишину, и сначала это было очень мучительно. Но свое внутреннее душевное отчаяние он скрывал ото всех, улыбался и шутил над собой так, будто все ему было нипочем. Уже тогда в нем зарождался недюжинный характер, который позже не раз спасал его в сложных ситуациях.

Еще помог Людвиг Ван Бетховен, про которого он прочитал в книжке из больничной библиотеки. Великий немецкий композитор тоже потерял слух, что не могло не стать для него большой человеческой трагедией. Однако он не сдался, не опустил рук, а продолжал писать свою гениальную музыку по памяти души. Сочинять музыку, не слыша ее и даже не зная, что он сочинил! Это поразило Андрея Кремса.

Что ж, тогда ему, молодому специалисту, сам Бог велел не заикливаться на своем недуге. И он не стал. Принялся усердно изучать способ «читать» слова по губам, в чем ему охотно помогали друзья. Иногда они до того смешно гримасничали перед ним, произнося слова и слоги, что он хохотал до слез.

Однако работу все же приходилось выбирать «по возможностям»: с бумагами, с документацией, где наличие слуха или его отсутствие не имело большого значения.

А 1920 году Андрей устроился в Балаханское геологическое бюро, где с увлечением стал работать над восстановлением и систематизацией геологических документов по когда-то пробуренным и эксплуатировавшимся скважинам. Это была отнюдь не пустая работа. Во время, когда в стране бушевала гражданская война, многие нефтепромыслы пришли в упадок, их надо было восстанавливать и возвращать к жизни.

Затем, в этом же году, он перешел работать техником-чертежником геолого-разведывательного бюро самого крупного по тем временам предприятия «Азнефть». Попутно он осваи-

вал работу младшего, затем старшего коллектора, изучая геологию в теории и практике, что называется, с нуля.

Жизнь манила его все дальше, все азартнее. Он поступил на заочное обучение в Азербайджанский нефтяной институт – тогда это называлось «без отрыва от производства». Правда, учился долго – целых десять лет, поскольку работой был занят «по самую макушку». Он уже обзавелся семьей: женился и вскоре стал отцом первенца-сына. Он не давал себе ни дня передышки: всего хотелось достичь, все успеть.

За восемь лет он уже почти забыл о своей глухоте и научился нормально общаться с людьми. Стал работать инженером-геологом в бюро «Азнефти», а спустя год получил назначение старшим районным геологом этого предприятия.

КРЕЩЕНИЕ «ЧАСТЛИВЫМ» ФОНТАНОМ

Первая по-настоящему научная статья Кремса «Некоторые данные о строении Кирмаку-Балаханской антиклинами» была опубликована в 1923 году в журнале «Азербайджанское народное хозяйство». Для этого он выпросил разрешение участвовать в геологических съемках в Кирмакинской долине.

Он буквально «заболел» Балаханской площадью. Работа там вселила в него уверенность в своих силах, дала ему имя и стала поворотным пунктом всей его жизни.

Балаханская площадь была уникальна тем, что нефтяные пласты выходили там на самую поверхность. Неудивительно, что нефть оттуда добывали еще несколько столетий назад. И темпы добычи нефти на этой территории были столь интенсивными, что вскоре верхние горизонты пластов истощились. Поэтому многие из маститых геологов того времени считали,

Вот он каков, фонтан «чёрного» золота!

что нижние пласты содержат лишь воду, так что вскрывать их нет смысла: нецелесообразно.

А вот молодой техник, студент-заочник с ними был не согласен. Тщательно проанализировав все материалы, он пришел к выводу о том, что и там, на нижних горизонтах, нефть есть. И, чтобы доказать это, настоял на том, чтобы началось бурение обозначенной им скважины в северно-западной части Балаханской площади.

На предприятии «Азнефть» состоялось большое совещание, на которое прибыла серьезная делегация из Москвы во главе с академиком Иваном Михайловичем Губкиным.

Так состоялась их первая встреча: молодого, еще никому неизвестного техника-нефтяника Андрея Кремса и крупного советского ученого И. М. Губкина, которых впоследствии долгие годы связывали взаимное уважение, доверие и одно общее, большое дело.

Вот на этом совещании Андрей Кремс и добился того, чтобы объединение «Азнефть» включило в план своей работы бурение скважины № 141 на Балаханской площади. Академик Губкин поддержал эту рискованную идею. Проходка скважины была поручена самому «зачинщику» – Кремсу.

Месяцами он не выезжал оттуда: работал, вел журналы, лично контролировал весь процесс, прерываясь только на еду «на скорую руку» да на краткий сон.

Переживал ли он? Еще как! Сомневался ли в верности своих расчетов и выводов? Нисколько. Он был уверен, что в этом месте нефть есть, и ничто не могло поколебать этой его уверенности. Точный анализ и чутье истинного геолога давали основание для этого.

О том, что будет с ним, с его дальнейшей судьбой в случае, если он ошибся и подвел всех, кто в него поверил, Кремс не думал – некогда было. Каждую минуту его времени занимала

работа, а когда он валился поспать на пару часов, то засыпал мгновенно каменным сном – без мыслей, страхов, тревог и сомнений.

И вот однажды ранним июльским утром 1926 года из скважины № 141 вырвался и взлетел в ярко-синее небо высокий, мощный фонтан долгожданной нефти. Вокруг орали, прыгали, плясали и обнимались перемазанные с ног до головы «коричневым золотом» его коллеги.

Впервые в жизни Андрей был по-настоящему счастлив. Он понял, что с этой минуты он раз и навсегда влюбился в свою профессию геолога. И эта любовь стала его путеводной звездой на всю жизнь. В 1932 году Андрей Яковлевич Кремс был назначен главным геологом объединения «Азнефть».

Высокодебитные залежи нефти нижнего отдела продуктивной толщи всего Балахано-Сабунчино-Романинского района позволили резко увеличить объемы добычи нефти в Азербайджане и способствовали выполнению первой пятилетки за два с половиной года. За эти достижения группа выдающихся людей, в их числе С. М. Киров, А. П. Серебровский, И. М. Губкин и другие, получила высшую награду Родины – орден Ленина.

Среди них был простой, но уже известный геолог Андрей Яковлевич Кремс. К тому времени он проводил большую общественную работу: был заместителем председателя Азербайджанского научного инженерно-технического общества нефтяников – АзНИТИ, выступал с докладами на конференциях и семинарах, помогал молодым специалистам собирать материалы для дипломных работ. При этом он много работал и над собой, постоянно занимался самообразованием и прослыл среди коллег и друзей настоящим эрудитом.

ПРИЗНАНИЕ

Поэтому никого не удивило, когда однажды, в 1934 году, по рекомендации И. М. Губкина Андрея Кремса назначили главным геологом Главного управления нефтяной промышленности Наркомтяжпрома СССР в Москве.

А до этого вопрос о том, кого назначить главным геологом «Главнефти», решался долго и кропотливо – слишком уж велика была ответственность того человека, который возглавит всю геологическую службу страны. И И. М. Губкин вспомнил о молодом геологе Кремсе из бакинской «Азнефти». В январе 1931 года состоялось Всесоюзное совещание геологов, на котором было много противников его, губкинских, доказательств нефтеносности Урало-Волжского провинции. Коллеги-геологи протестовали против бурения на «пустых структурах», считали это дело неперспективным и нецелесообразным.

Зато прямо, открыто и аргументированно выступил молодой главный геолог «Азнефти» Андрей Кремс. Он заявил о том, что данные разведки Урало-Поволжского месторождения, о которых доложил Губкин, убедительны, имеют под собой твердую почву, и не признать этого просто невозможно.

Еще тогда И. М. Губкин понял, что этот молодой геолог – уже профессионал, и что сбить его с имеющейся точки зрения непросто: у него есть своя позиция и свое мнение, которые он умеет отстаивать не на эмоциях, а на твердых фактах и аргументах.

Позже Губкин представил нового главного геолога «Главнефти» Народному комиссару СССР Сергею Орджоникидзе. Они долго беседовали о перспективах добычи нефти в стране. Нарком заметил, что Кремс волнуется, постоянно прикрывает ладонью правое ухо, и тактично поинтересовался: почему? Узнав, что Андрей Яковлевич практически не слышит, Орджоникидзе посоветовал достать слуховой аппарат, которые пока

имеются, к сожалению, только за границей, и пообещал свое содействие в этом.

Так началась большая работа Кремса в Москве, куда он вскоре и переехал вместе с семьей. Сил, энергии и энтузиазма ему было не занимать. Работая в должности главного геолога «всей страны», он выполнял еще обязанности начальника геологической группы технического отдела и начальника геологического отдела. Нес на своих плечах большую ношу труда и ответственности без напряжения, а легко и весело, как огромную, занимательную, захватывающую игру.

Но и этого было мало неумной, кипучей натуре Кремса: он и здесь, в Москве, развернул широкую научную и преподавательскую деятельность: заведовал кафедрой разведки нефтяных месторождений в Московском нефтяном институте, где был вдобавок еще и председателем Государственной экзаменационной комиссии.

Неизвестно, когда он успевал все это делать, но он успевал, да еще так плодотворно, что почетные грамоты «за добросовестный труд» сыпались на него дождем. Он мало обращал на это внимания, никогда не был падок на похвалы, а вот то, что на семью времени практически уже не оставалось, огорчало его. Он винулся перед женой Анной, перед сыном-подростком, но те уже привыкли к тому, что муж и отец у них слегка «помешанный» на работе, и что с этим ничего не поделаешь: приходится принимать его таким, какой он есть.

В 1937 году 17-я сессия международного геологического конгресса утвердила выпуск книги «Нефтяная экскурсия. Азербайджанская ССР», авторами которой были В.Хаин, С.Апресов и М.Мирчинк. А редактором ее стал А.Я. Кремс. Он считал за честь редактировать эту книгу и с большим воодушевлением работал над нею. В списке литературы, используемой авторами при ее написании, была и брошюра Кремса «Нижний

отдел продуктивной толщи Ленинского нефтеносного района», написанная им в 1931 году.

Работая над редактированием книги об Азербайджанских нефтяных месторождениях, Кремс будто вновь вернулся туда, в родные края, пронизанные горячим южным солнцем и насквозь пропахшие запахами персиков, айвы, винограда, дынь и печеных лепешек...

Он вспоминал, как впервые приехал в Баку учиться и целыми неделями бродил по огромному городу, знакомясь с ним и любуясь им. Там он узнал, что в переводе с иранского «Баку» означает «город ветров». И действительно, здесь постоянно дули сильные ветры. Летом они были горячими и пыльными, зимой – промозглыми, пробирающими до костей.

В истории этого замечательного города Кремса интересовало все, и он дотошно приставал с расспросами к местным жителям. Рядом с красивейшим Приморским бульваром, обрамляющим берег моря, возвышалась старинная башня, называемая Девичьей – какая же красивая и трагичная легенда открывала тайну этого названия! Старые мечети были обнесены крепостной стеной, и эта часть города так и называлась – Крепость. Здесь, на вершине холма, стоял Ханский дворец, построенный в 15-м веке жестокосердным, но мудрым ханом Халилом. Это было настоящее восточное зодчество, поражающее своим великолепием.

Когда-то, в глубине веков, Баку был маленьким городком, скрытым в своих крепостных стенах, население которого уходило корнями к финикийскому народу, позже – в империю сельджуков. А с 1806 года, после захвата Бакинского ханства русскими войсками, город на берегу Каспийского моря вошел в состав Российской империи. В 1869 году в Балаханах и на Биби-Эйбате появились первые буровые скважины, и это по-

Улочки старого Баку.

Улочки старого Баку.

служило началом интенсивного роста добычи нефти и, как следствие, стремительному развитию города Баку.

Из старинных узких, извилистых улочек старой части города юный Кремс шел в кварталы современной застройки и с радостью отмечал, как новая жизнь прочно вписывается в седую древность города. Государственный музей, университет, индустриальный, педагогический, медицинский институты, техникумы и училища, театры и библиотеки, концертные залы и художественные галереи – все это красноречиво свидетельствовало о том, что Баку сталместилищем науки, образования и культуры.

На всю жизнь Андрей Кремс влюбился в этот город, в котором так ярко и необычно совмещались древность веков и прогрессивная современность. Но не меньше он полюбил и всю огромную русскую страну – Советский Союз, которая вместила в себя множество самых разных народов, наций и традиций и с уважением относилась к каждому из них. И он ощущал себя частицей этой страны.

Воспитанный в самых патриотических чувствах к Советскому Союзу, Кремс стремился служить ему всем, чем только мог. Поэтому когда начальник Главного геологического управления Москвы академик И.М. Губкин предложил ему вступить в ряды ВКП (б), тот счел это большой честью для себя. Ученый, соратник и друг Иван Губкин дал ему свою партийную рекомендацию, в которой отметил:

«Знаю товарища Кремса Андрея Яковлевича с 1927 года по его работе в качестве геолога в объединении «Азнефть». Он выделялся своими обширными познаниями в промысловой геологии, что позволило ему плодотворно руководить разработкою одной из старейших промысловых площадей. Позднее А.Я.Кремс был выдвинут на пост главного геолога «Азнефти», и здесь он проявил себя великолепным работником.

Баку сегодня.

Сейчас он занимает должность главного геолога «Главнефти», и мне приходится часто иметь с ним дело по руководству геологоразведочными работами всей нефтяной промышленности.

Я имею полное основание говорить, что с возложенными на него ответственными работами он справляется, обнаруживая большую работоспособность.

Как человек, А.Я. Кремс отличается необыкновенной скромностью и чуткой товарищеской отзывчивостью. Он предан делу рабочего класса, предан великой партии Ленина-Сталина и работает, не щадя своих сил, на пользу социалистического строительства.

Я думаю, что он будет с честью носить ответственное звание члена ВКП (б) и будет самоотверженно бороться с ее врагами.

Поэтому я беру на себя смелость рекомендовать товарища Кремса А. Я. в члены нашей партии...».

Для вступления кандидатом в члены партии требовалось три партийных рекомендации. Андрей Яковлевич Кремс получил даже четыре: кроме И.М. Губкина, за него поручились начальник «Главнефти» НКТП СССР М. В. Баринов, помощник начальника Д. Гепштейн и начальник отдела кадров Кузьменко, бывший в то время секретарем партийной организации Главного геологического управления.

Вскоре состоялось общее партийное собрание Управления, откуда Кремс вышел новоиспеченным кандидатом в члены партии.

Он был горд собой и доволен своей судьбой, которая во всем повторяла судьбу каждого достойного гражданина советского общества. Вырвавшись из бедности, он своим усердием и старанием получил хорошее образование и нужную для страны профессию геолога. Сейчас он без пяти минут член коммунистической партии, которой готов служить честно и преданно.

И, наконец, он – счастливый муж и отец, у него хорошая семья, во всем поддерживающая его. Что еще нужно человеку? Теперь только знай работай в полную силу!

Однажды Иван Михайлович Губкин пригласил к себе Кремса, сказав, что к нему приехали гости из северной Ухты, с которыми ему было бы любопытно познакомиться. Кремс сразу заинтересовался, потому что об Ухте он уже слышал раньше, а совсем недавно ему доложили, что недалеко от Ухты, возле деревни Крутая на Седьельском месторождении забил первый газовый фонтан. А еще раньше в Ухтинском районе было открыто месторождение тяжелой нефти на Яреге.

На встрече с ухтинцами Кремс с огромным вниманием слушал опытного геолога Тихоновича. Речь шла о том, что территория Коми богата залежами нефти и газа, приводились данные и по Верхнее-Ижемскому району как одному из самых перспективных тогда.

С тех пор Кремс снова «заболел» – на этот раз далекой северной, незнакомой Ухтой. Читал об этом городе все, что мог отыскать в библиотеках. Снова встречался с геологом Тихоновичем. Часто беседовал об Ухте с Иваном Михайловичем Губкиным. Однажды удивил того своей твердой убежденностью в том, что «Ухта еще заговорит о себе на весь мир!». Все чаще и чаще стал говорить о том, что ему непременно надо побывать в Коми АССР, в особенности – в Ухте.

Тогда он еще не знал, что очень скоро ему доведется-таки побывать там. Только совсем не так, как ему представлялось...

АХ, АМЕРИКА!

1936 год. В СССР стали налаживаться деловые отношения с Америкой. И, как результат этих новых взаимоотношений, в США направили группу советских специалистов нефтяных и

газовых месторождений. Среди них – главный геолог Андрей Яковлевич Кремс. Им предстояло ознакомиться с передовым опытом геологического обслуживания нефтяных и газовых промыслов в далекой и незнакомой капиталистической Америке.

Чужая страна, чужие нравы, яркая пестрота жизни, изобилие красивых и технически современных вещей: автомобилей, мебели, одежды, зданий, парков, увеселительных заведений – все это великолепие хоть и впечатляло «глаз», но умы русской делегации не занимало. Перед ними стояла четкая задача: как можно полнее ознакомиться с тем, как здесь, в США, ведутся поиск, разведка, разработка и добыча нефти и газа.

Целых три месяца подряд советские геологи знакомились с опытом работы американских коллег на нефтегазовых месторождениях. С удивлением и некоторой завистью они приходили к выводу, что многое здесь было налажено лучше, эффективнее и технически целесообразнее, чем в Советском Союзе. В особенности когда они узнали о новых методах геофизической разведки, о чем в их стране еще было мало известно.

Когда американские коллеги узнали о глухоте такого крупного специалиста в геологии, как Кремс, они тотчас посоветовали ему приобрести специальный медицинский слуховой аппарат, который свободно продавался в каждой аптеке. Они вызвались проводить его и провезли на автомобиле к аптеке, где он с волнением примерил на себе заграничный приборчик. И когда в уши впервые за много лет ворвались живые звуки окружающего мира, Кремс, не раздумывая, сразу же приобрел этот чудо-аппарат за совершенно «сумасшедшие» деньги – 200 долларов. Конечно, пришлось одалживаться и у своих коллег, но покупка того стоила: с мальчишеским восторгом он упивался полузабытыми звуками человеческой речи, шума автомобилей, детского смеха, даже шелеста дождя по листве деревьев...

Америка умеет заморозить любого.

Делегация вернулась на родину из своей заграничной командировки, полная воодушевления и самых радужных идей. Специалисты составили обширный отчет обо всем, что увидели, услышали и узнали, присовокупив к отчету собственные рекомендации по внедрению в «нашу» систему разведки нефти и газа новых методов геофизических исследований, представляя их полезными, выгодными и передовыми.

Кроме того, эти свои выводы они вскоре опубликовали в большой статье в журнале «Нефтяное хозяйство» «Организовать по-новому геолого-поисковые и разведочные работы на нефть». Эта статья в открытую говорила в пользу геофизической разведки, которую ведут специалисты Америки.

В первый же после возвращения домой день Кремс попросил жену сесть за рояль и сыграть что-нибудь из его любимого композитора Бетховена. Когда торжественно и величественно поплыли звуки чудной музыки, он почувствовал себя совершенно счастливым: отныне с новым слуховым аппаратом он мог считать себя полноценным человеком.

Не в силах сдерживать своих эмоций, он с радостью «хвастался» перед друзьями и коллегами американским прибором.

Конец тридцатых годов. Время было беспокойное, всех тревожило то, что не выполнялись плановые обязательства по добыче нефти в СССР за последние две пятилетки. Над головами руководящих работников сгустились тучи.

Вскоре Андрей Яковлевич с недоумением и тревогой узнал о том, что арестованы все трое коммунистов, которые давали ему свои партийные рекомендации: Баринов, Гепштейн и Кузьменко.

Конец тридцатых годов. Время стояло беспокойное: не были выполнены плановые обязательства по добыче нефти в СССР за последние две пятилетки. Над головами руководящих работников сгустились тучи.

Но Кремс наивно полагал, что к нему это не относится. Все это время он самозабвенно занимался форсированием разведки глубокого бурения нефти в районах Волго-Уральской области. Дел в этом направлении было непочатый край, и Кремс запланировал проведение целого ряда разведочных работ. Но претворить их в жизнь ему не дали: сорвали, что называется, «с коня» на полном скаку...

И в партию Кремса так и не приняли: не успели. Арестовали и осудили всю делегацию, побывавшую в Америке. Он долго обивал всевозможные чиновничьи пороги в попытке что-то выяснить, доказать невиновность своих коллег. Однако в сентябре 1938 года был арестован и сам. «Чистка» рядов советского народа, регулярно предпринимаемая в те годы «органами», уже ни для кого не была новостью. Доносы и аресты следовали один за другим, вызывая в людях страх и тревогу.

Вот и Кремс, попав в печально известную Бутырскую тюрьму, сначала испытал растерянность и недоумение. Но он не чувствовал за собой никакой вины, поэтому заставил себя успокоиться и поверить в то, что это недоразумение скоро рассеется.

Целый год он провел в тюрьме, после чего ему было предъявлено обвинение в участии в троцкистской организации, шпионаже и вредительстве. Особым совещанием НКВД он был приговорен к восьми годам заключения с содержанием в исправительно-трудовом лагере. Кремс считал это полным абсурдом и бредом. Но все оказалось более серьезным, чем он предполагал.

Выяснилось, что все эти обвинения были предъявлены ему на основании показаний людей, ранее арестованных: в частности, бывшего начальника «Главнефти» Ефруни и бывшего начальника «Эмбанефти» Лаврентьева. Они показали, что Кремс якобы проводил вредительскую деятельность во время

разведки эмбинских нефтяных меторождений. А обвинение в шпионаже возникло, скорее всего, из-за поездки главного геолога в США.

Сидя в тюрьме в ожидании пересылки к месту заключения, Кремс вспоминал, как безудержно он хвалился своими новыми «ушами», делясь с друзьями своей бурной радостью от обретения слуха... Может, это послужило причиной его обвинения в шпионаже? Советская власть сильно не одобряла, когда кто-то из «наших» товарищей хвалил капиталистический образ жизни. Но ведь приобрести такой слуховой прибор первым посоветовал ему «сам» Серго Орджоникидзе! Ни профессиональные звания, ни высокая правительственная награда, ни безупречная репутация, ни значимые достижения в нефтегазопромысловой области страны не спасли главного геолога «Главнефти» от наветов бдительных «товарищей» и карающей десницы правосудия НКВД.

Однако Кремс не признал своей вины ни по одной статье. Его дело было направлено в суд и вскоре вернулось обратно: из-за недоказанности предъявленных ему обвинений. В феврале 1939 года он был уведомлен об этом под расписку.

Будто огромная тяжесть упала с души Андрея Яковлевича: ну вот, есть все же правда и справедливость даже в такие смутные и страшные времена!

Однако его радость и облегчение были преждевременными.

Через четыре месяца Кремс, так и не выходя из Бутырской тюрьмы, был вновь осужден особым совещанием МВД СССР по двум статьям: 58-7 и 11 УК РСФСР на восемь лет.

Как специалиста-нефтяника для отбывания срока наказания под конвоем его этапировали в Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь. В этой системе в Ухтинском районе имелись нефтяные промыслы и строилась первая в Советском Союзе опытная нефтяная шахта. Вот туда-то и направили «врага

Бутырская тюрьма.

народа» Кремса, чтобы тот своим трудом смыл с себя «пятно позора».

ОДНА БОЛЬ – НА ВСЕХ

Путь на Север был долгим и трудным, но Кремс ничего не замечал. Помимо тяжелой обиды, его мучили гнетущие мысли о судьбе жены и сына, которые остались в Москве – одни, без помощи и опоры, под черным клеймом семьи «врага народа».

...Сколько их, таких жен, детей и стариков, безвинно страдало в городах и весях их «славной и могучей» Родины! Лишенные своих мужей, отцов и кормильцев, они становились изгоями, объектами презрения со стороны властей; от них отказывались друзья, знакомые, даже родственники. Да и некоторые из них, сломавшись под таким давлением и боясь за свою жизнь, сами отрекались от впавших в опалу осужденных родных.

И вот, наконец, желанная Ухта, о которой он так романтично и азартно грезил! Но привычной радости на этот раз он не испытал. Все было по-другому. Было горько, обидно и - что скрывать? – страшно...

В первый год пребывания в лагере и работы коллектором на Ярегской нефтяной шахте Кремсу довелось разделить участь тысяч таких же заключенных, как он: холод, грязь, скудное питание, оскорбления. Он молча переносил все испытания и заставлял себя верить в то, что рано или поздно, но там, «наверху», все выяснится, и этому кошмару придет конец. Надо только все вытерпеть и дожидаться.

Несколько раз он побывал на краю гибели. Один случай запомнился ему особенно. Однажды он орудовал лопатой на откосе горы из каменистых пород. Внизу – охрана с овчарками. Он работал и не слышал (слуховой аппарат у него отобрали

еще при аресте), как сверху ему кричат люди: «Берегись! Отойди!» И вдруг на него налетел какой-то заключенный и сбил его с ног, увлекая в сторону. А мимо них, грохоча, пролетела огромная железная бочка, которую люди наверху не удержали, и она покатилась вниз. Еще бы мгновение, и от «зека» Кремса остались бы только переломанные в кашу кости...

Когда оба поднялись на ноги, Кремс долгим взглядом посмотрел в глаза молодого худого своего спасителя, потом крепко пожал его руку и сказал:

– Спасибо, брат.

На что тот широко улыбнулся и хлопнул Кремса по плечу.

– Эх, ты, глухая тетеря! Если уж ушей своих не имеешь, то хоть смотри вокруг в оба глаза, они-то у тебя еще есть!

И вот – свобода!

...Бог ли хранил этого человека, судьба ли была милостива к нему или настолько удачливым он оказался, но, так или иначе, а дорвавшись, наконец, до любимой своей работы, Кремс, казалось, превзошел самого себя.

Изучив положение дел на шахте, он сразу же разработал целую систему предложений, направленных на дальнейший разворот работ по добыче тяжелой нефти. После этого продумал и просчитал поиск, разведку и добычу нефти и газа в Ухтинском нефтегазоносном районе.

Этот труд старшего геолога А. Я. Кремса оказался столь значительным, что руководство исправительно-трудового лагеря направило в МВД СССР ходатайство о его досрочном освобождении – с тем чтобы в качестве вольнонаемного работника он мог лично руководить всеми теми работами, которые он запланировал.

Кроме того, в 1940 году в Ухте побывала группа ученых из Академии наук СССР во главе с академиком А. Е. Ферсманом. Им предстояло выяснить и уточнить все данные по экономиче-

скому развитию северного края. Узнав о судьбе известного геолога и о его широкой деятельности на благо нефтегазопромысла в Ухтинском районе, академик Ферсман со своей стороны тоже подал ходатайство о досрочном освобождении Кремса.

Оба эти ходатайства были удовлетворены. Постановлением того же Особого совещания НКВД Андрей Яковлевич Кремс был освобожден из-под стражи.

Стоял теплый июль 1940 года. Он вышел на улицу из конторы, держа в руках листок бумаги – свидетельство долгожданной свободы.

«Настоящая справка дана гр. Кремсу А. Я. в том, что определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР и Постановлением особого совещания при Народном Комиссаре внутренних дел СССР наказание в отношении его отменено и делопроизводство прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Из-под стражи он освобождается с зачетом срока предварительного заключения, и указанная судимость с него снимается...».

Отныне он – свободный человек. И жена его, и сын – тоже свободны! Он знал, он верил, что рано или поздно, но правда восторжествует, и он получит полную реабилитацию. Правда, это произойдет еще не скоро – в 1956 году.

Однако... сотни и сотни честных людей все еще страдали в лагерях от злых оговоров и чудовищной несправедливости. Многие из них не обладали такой значимостью, как Кремс, и не пользовались таким авторитетом, как он. За них заступиться было некому. Так при чем же здесь тогда торжество справедливости? В чем эта правда для остальных?

Нет, не полным было ощущение счастья у Андрея Яковлевича. Не могло оно быть полным, пока в лагерях еще томятся советские люди, попавшие под жернова какой-то безумной и бездушной мясорубки.

Кремсу опять крупно повезло, гораздо больше, чем другим. Он уже знал о судьбе тех геологов, которые вместе с ним побывали в Америке: все они были арестованы и расстреляны...

Но надо было продолжать жить. Надо было работать.

КТО, ЕСЛИ НЕ ТЫ?

Вскоре руководство лагеря начало поспешно готовить доклад о нефтегазовых разработках в Коми АССР лично для товарища Сталина. Специально для этого доклада Кремс составил большую карту, которая содержала в себе все нефтегазоносные месторождения на территории северного края и перспективы будущей добычи.

Доведенные до полуобморочного состояния предстоящим визитом в Москву с ответственным докладом САМОМУ, начальники всех уровней ломали свои головы, решая, кто возьмет на себя смелость поехать и сделать это. Никто не брал. Каждый понимал, что, поехав в Кремль и представ пред бесстрастными, но беспощадными очами великого вождя, в случае чего, можно было ведь и не вернуться обратно...

Кто из них настолько знает каждую деталь геологических работ по всей территории Коми АССР, чтобы четко, без запинки, изложить всю картину да еще ответить на любые, даже самые каверзные вопросы САМОГО?

И тогда взоры начальников обратились на незаметного, скромного человека, к тому же глухого.

— Андрей Яковлевич, может быть, вы?

— Ну что ж, можно попробовать...

Глухой-глухой, а по губам читал, как по книжке.

И поехал. В старом пыльном вагоне, в сопровождении двух автоматчиков: все-таки «зек», хоть и бывший. А ну-ка, сбежит со страху, и тогда полетят все начальнические головы.

После освобождения, на стадионе «Динамо»

В Кремль Кремса вводили тоже под дулами автоматов. Что творилось в его душе, когда он спокойно и сосредоточенно шел по красной ковровой дорожке в огромном кабинете, знал только он один.

За столом восседал и попыхивал трубкой «вождь всех времен и народов» Иосиф Виссарионович Сталин. Точно такой, каким был изображен на портретах, картинах и плакатах: в военном френче, седобровый и седоусый, с прицельным прищуром остро-внимательных глаз.

Рядом стояли верные его «подданные», сподвижники и соратники: Микоян и Берия. Микоян первым поздравил Кремса с освобождением.

Доклад геолога был выслушан с большим вниманием. Кремс обстоятельно и по-деловому ответил на все вопросы, среди которых действительно были и каверзные. Составленную Кремсом карту расстелили на столе и рассматривали ее придирчиво и пристрастно.

Из всего этого Кремс понял, что интерес правительства Советского Союза к северной нефти на самом деле очень большой и серьезный.

В конце встречи, помимо множества рабочих наставлений, Кремс получил разрешение навестить семью на целые сутки, чтобы подготовить ее к переезду к нему в Ухту.

Обратно Кремс возвращался уже без автоматчиков, один, в хорошем вагоне. Он был исполнен такого большого удовлетворения, какого ему еще не доводилось переживать. Доклад сделан, много рабочих вопросов решено, все прошло без сучка и задоринки. Да еще семью повидал и еле обсох после того, как жена долго обливала его счастливыми слезами. Теперь они радостно собирали вещи, без всякого сожаления готовясь покинуть Москву.

Вскоре семья приехала к нему в Ухту. Стали обустриваться в комнате одного из жилых бараков, которую им предоставило геологическое Управление. Кремс был оформлен на работу в должности начальника геологоразведочного отдела. Фактически он стал возглавлять всю геологическую службу в Ухтинском районе.

Как раз в день его освобождения – 10 июля 1940 года - вышло в свет Постановление Совнаркома СССР И ЦК ВКП (б) «О развитии Ухтинского нефтяного месторождения». Оно предусматривало довести добычу нефти в районе Ухты в срок до 1944 года до 950 тысяч тонн, из них 350 тысяч предполагалось взять из новых месторождений, которые еще предстояло разработать. А к концу 4-й пятилетки, к 1947 году, планировалось получить 4 миллиона тонн нефти. Половина этого прироста отводилась на добычу тяжелой ярегской нефти.

Предстояла серьезная, большая, крупномасштабная работа, которая очень увлекала и вдохновляла Андрея Яковлевича Кремса и его коллег.

Добыча ярегской тяжелой нефти в то время сплотила вокруг себя множество талантливых и опытных специалистов, съехавшихся сюда со всех концов страны. Рядом с Кремсом трудились А. Матаушек из Баку и Н. Пастарнак из Грозного, а также В. Васильев, Пак На Ир, В. Свинцов, К. Семякин, Г. Вертий, И. Куница, С. Боженко и многие другие геологи и буровики.

Руководить сложными работами вскрытия продуктивных пластов было поручено геологу А. Кремсу и начальнику геологической части Б. Рожкову.

«...И вот все готово к вскрытию. С поверхности уже доставили материалы для быстрой изоляции уклона, если это потребуется. Из него выведены все работающие здесь горняки. В забое остались только четыре человека: А. Я. Кремс, Б. А. Рожков, горный техник и бурильщик передовой скважины. Вот

А тут-война...

наконечник бурильного молотка стал медленно погружаться в породу. Все с напряжением следят за бурильщиком. Казалось, вот-вот из скважины хлынет фонтанная струя нефти с газом. Что тогда?

Так был окончен первый этап становления и практического освоения шахтного метода добычи нефти на Яреге.

Не будет секретом, если мы скажем, что достижения нефтяников Яреги долгое время воспринимались как известный анахронизм. Нефть и шахта – сочетание непривычное. К тому же скважина куда дешевле шахты. И экономика вставала против нефтяной шахты непреодолимой стеной. И психология.

Первым, кто понял и оценил всю важность опыта Яреги, был один из известнейших нефтяников, доктор наук Николай Константинович Байбаков. Будучи председателем Государственного комитета нефтяной промышленности при Госплане СССР, он вынес обсуждение этого вопроса на заседание технического совета, где докладчиком, помимо других крупных специалистов и руководителей, был и А. Я. Кремс». (Из книги В. Круковского «Шаги в неведомое»).

Но все это будет потом. А сейчас в жизнь и мир миллионов людей ворвалась Великая Отечественная война и надолго переречкнула все замыслы и мечты ухтинских геологов, нефтяников и буровиков.

Анна Молий, которую в семье все звали не иначе как Нюрочкой, родилась в 1909 году в Баку. В их семье было четверо детей, среди которых она – старшая. За ее яркие таланты Нюрочку называли «артисткой» – она и пела, и танцевала, и режиссировала все домашние театральные представления, к участию в которых привлекала не только двух своих братьев и сестру, но и отца с матерью, и соседских ребят.

Ее все любили, ею восхищались, ей прочили большое актерское будущее.

Но вот Анна выросла и поразила всех тем, что выбрала для себя отнюдь не путь актерской славы, а самую что ни на есть тяжелую, мужскую профессию, поступив в Азербайджанский Краснознаменный индустриальный институт на факультет переработки нефти.

Она оказалась одной всего из шести девушек своего факультета.

– Да ты на себя посмотри! – горевала мама. – Маленькая худышка, изящная, как куколка, кудрявенькая певунья и плясунья... Ну, какой из тебя нефтяник?!

Парни-однокурсники говорили, что «Анка учится, как зверь!» И действительно, в учебу она «вгрызалась» по-настоящему, потому и училась все годы только на «отлично». Будучи еще совсем юной, Анна уже понимала, что, если она хочет добиться чего-то важного в жизни, то ей нужно «брать» если не силой и крепостью, то основательными, серьезными знаниями.

А она хотела.

Анна отдавала себе отчет в том, что в профессии нефтяника нельзя рассчитывать на мужское снисхождение, и она собиралась доказать, что может работать наравне с мужчинами.

После окончания института ей рекомендовали поступить в аспирантуру, чтобы с аналитическим складом ее ума заняться наукой.

Но она твердо решила работать на производстве. С большим трудом ей вместе с подружкой удалось устроиться на Бакинский нефтеперерабатывающий завод. Встретили их там снисходительно-насмешливо:

— Эти вот пигалицы и есть наши заводские инженеры?

Но девушки, стараясь не обращать внимания на насмешки, так старательно изучали весь технологический процесс переработки нефти, так усердно «копались» в различных механизмах заводского оборудования, не боясь испачкаться в мазуте и нефтяных маслах, что вскоре все ехидные усмешечки маститых коллег прекратились, и на них поглядывали уже с уважением.

Однажды на заводе, на установке, где работала Анна, случился крупный пожар. Напуганная и расстроенная, она, тем не менее, отважно принимала участие и в тушении огня, и в работе по ликвидации его последствий и почти сутки не выходила с завода.

А это был 1938 год — время страшных «сталинских репрессий». Под арест попали брат Анны и ее дядя. Припомнили пожар на заводской установке и Анне Молий. Несмотря на то, что на ее защиту встал весь коллектив, Анну уволили.

В это время как раз партия ВКП (б) бросила клич по всей стране: «Поможем освоить несметные богатства Севера!» На этот пламенный призыв откликнулись бакинские и грозненские нефтяники. Быстро собрались и эшелонами отправились на чужой и далекий север.

Среди них была и Анна Молий.

ВСТРЕЧА НА СЕВЕРЕ

Шел к концу 40-й год. Ухта встретила южан радушно, но осенний дождь и промозглый ветер быстро остудили молодой пыл тех, кто с рождения привык к жаркому солнцу.

- Здесь всегда так холодно? – спросила Анна у какого-то бородатого дядьки в ватнике, взявшего ее чемодан. – Как же тут люди живут?

– Север, барышня, север, – благодушно прогудел тот в ответ. – Ничего, привыкай, раз приехала. А люди, они везде живут. Было бы ради чего...

Эта простая житейская мудрость устыдила Анну.

«Эх, ты! – осудила она себя. – Так мечтала о трудностях, так хотела доказать свою состоятельность, а первого же холода испугалась!».

Но еще долго ей пришлось ко многому привыкать: дощатые тротуары, деревянные дома, кругом грязь непролазная... После крупного столичного Баку Ухта казалась обычным рабочим поселком. И так мало жителей! Даже на ноябрьской демонстрации под простенькими красными флагами и грубо сколоченными транспарантами с портретами членов Политбюро СССР шли лишь около сотни граждан.

Но она ехала не на курорт, а работать! Значит, все остальное не в счет.

Анну назначили инженером производственного отдела «Ухткомбината» и одновременно куратором молодого нефтеперерабатывающего завода.

И она «засучила рукава». Ее редко можно было застать в кабинете. Спозаранок она уже была на заводе: изучала, осма-

тривала, вникала во все детали, беседовала с рабочими, операторами, мастерами, начальниками смен. Многих удивляла дотошливость и серьезная вдумчивость молодой «инженерши»:

– Ишь, вцепливая какая! – шептались заводчане. – До всего ей дело есть. Рук испачкать не боится, и не заносится, вежливая, приветливая. Из такой толк будет, это точно.

Вскоре Анна узнала, что здесь, в Ухте, работает ее земляк из Баку – Андрей Яковлевич Кремс. Обрадовалась: все-таки родная душа! На одном из производственных совещаний их познакомили.

Анна увидела перед собой невысокого, коренастого человека лет пятидесяти, с сидящим ежиком волос. Открытая, немного насмешливая улыбка, живая, интересная речь и... неожиданно усталые умные глаза с затаенной печалью в их глубине.

Чем-то этот человек затронул душу молодой женщины; она почувствовала трудность его судьбы, и отзывчивое ее сердце тут же прониклось горячим сочувствием.

Оба они были заняты работой с утра до ночи, поэтому встречи их поначалу были случайны и редки.

«ДИРЕКТОРША АННУШКА»

Разразившаяся вскоре война начисто смела в людях все, кроме бесконечной работы. Фронт требовал все больше и больше горючего, поэтому и заводчане, и нефтяники трудились не покладая рук, забывая об отдыхе и сне.

В тяжелейший 42-й год Анну Молий назначили директором Ухтинского нефтеперерабатывающего завода. Ей было всего тридцать два года, но ее молодость уже никого не смущала – в нее давно и прочно поверили.

А. Я. Молдтсов

А в разговоре с секретарем Ухтинского горкома партии Анна узнала, что ей предстоит взять на себя еще одну ответственную должность: главного инженера завода.

– Поймите, Анна Яковлевна, многие мужчины-специалисты сейчас на фронте, – сказал секретарь. – И другого главного инженера на заводе просто нет. Вам, конечно, будет трудно, но вы справитесь. Все мы верим в это и надеемся на Вас.

Трудно – это не то слово. Запланированные десятидневные сроки сокращались до трех. Необходимых для переработки нефти установок не хватало. Приходилось думать, изобретать новые способы, искать и находить новаторские технические решения. Над этим усиленно трудились и инженеры, и служащие, и простые рабочие. И если в каком-либо рационализаторском предложении обнаруживалось хоть малейшее «зерно», способное принести нужный эффект, Анна Молий тут же распоряжалась внедрять его. Успеху радовался весь трудовой коллектив НПЗ, ведь каждая тонна сверхпланового горючего для фронта вселяла гордость в сердца заводчан: они тоже вносят свой вклад в борьбу с врагом-захватчиком. Тем, что могут, что в их силах. Тем, что даже выше их сил!

Ухтинское горючее снабжало все советские фронты. Не однажды северяне отправляли ленинградцам сверхплановые эшелоны с нефтью и нефтепродуктами.

В 1944 году директор завода Анна Молий была в составе делегации, которая сопровождала один из таких «подарочных» эшелонов с ухтинской нефтью.

Анна Яковлевна Молий стала первым и единственным директором крупного завода в стране в те военные годы.

Казалось, это немыслимо: держать на своих женских плечах такой стратегически важный объект, как нефтеперерабатывающий завод; снабжать топливом фронты, ведущие смертельные сражения; руководить огромным коллективом и направлять его

на каждодневный изнурительный труд во имя победы над фашизмом.

И тем не менее, так и было.

Более того, можно ли было не просто подчиняться директору, исполняя его приказания, но при этом еще и ЛЮБИТЬ его?

А Анну Яковлевну Молий любили все: от заместителей и начальников цехов до уборщиц, вахтеров и поваров столовой завода. Заводская молодежь так просто по пятам за ней ходила и в рот ей смотрела, ловила каждое слово. И не было, наверное, на предприятии ни одной комсомолки, которая не мечтала бы хоть когда-нибудь стать похожей на «директоршу Аннушку».

По всем десяти цехам завода директор всегда ходила в окружении целой «свиты» из замов, технологов, мастеров, парторгов и комсомольских активистов. Она хотела, чтобы каждый работник завода был в курсе всех его дел, вникал в каждую деталь и разбирался во всех технологических процессах.

...Анна Яковлевна подходила к молодому оператору и некоторое время стояла молча, внимательно наблюдая за его работой. И если он все делал правильно, так же молча гладила его по голове и шла дальше. А парень, чумазый, в замасленной спецовке, растроганный и благодарный за такое молчаливое, ласковое и почти материнское одобрение, стоял и смотрел вслед маленькой, хрупкой женщине в строгом черном костюме и в крепких, совсем не изящных полуботинках, энергично шагающей по холодному и грязному от мазута цеху, как по своему дому...

И у каждого, к кому подходила директор и оказывала свое внимание, на душе становилось хорошо и тепло, и хотелось работать так, чтобы она почаще улыбалась и была довольна их трудом.

До поздней ночи в кабинете директора ни на час не прекращалась работа. Совещания шли за совещаниями. А в проме-

жутках между ними директор принимала рабочих с их бедами и проблемами: кому-то была нужна материальная помощь на похороны, а то и на свадьбу: война войной, а жизнь ведь не остановишь, любить и рожать не запретишь. Кто-то остро нуждался в жилье, в детском садике, в лечении. А у кого-то дома мужик запил, семью терроризирует, дебоширит...

Все выслушивала «товарищ директор» – сдержанно, но внимательно и доброжелательно. И решала вопросы сразу, не откладывая в долгий ящик: отдавала необходимые распоряжения и ставила на контроль, И никто не сомневался: уж она-то обязательно проконтролирует. Все проверит и спросит по всей строгости.

В этом и был парадокс удивительной натуры Анны Яковлевны Молий: при всей своей душевной мягкости, отзывчивости и доброте, когда надо, она могла становиться требовательной до жесткости, бескомпромиссной и беспощадной. Такой, что даже самые «крутые» мужики умирялись, склоняли головы и пикнуть в ответ не смели.

И в горе, и в радости – рядом...

А для себя – лишь самое малое. Ни быт, ни одежда, ни неудобства какие-то ее совершенно не волновали. Своего, отдельного, «директорского» жилья у Молий не было. И когда Андрей Яковлевич Кремс получил трехкомнатную квартиру на улице Пушкина, то он, посоветовавшись со своей супругой, одну из комнат предложил занять Анне Яковлевне, своей землячке, коллеге и другу. Та с благодарностью приняла предложение, сразу поехала в Баку и привезла оттуда своего маленького осиротевшего племянника Леву, с которым и стала жить в квартире Кремсов. Замужем она не была, своих детей не имела, поэтому всю нерастрченную материнскую любовь отдала Левушке, и он рос рядом с ней, как родной сын.

Жили две семьи почти по-родственному. В праздники накрывали столы, приглашали друзей и коллег, «крутили» патефон, слушали пластинки с записями симфонической музыки – очень любили классику.

У супруги Кремса, Анны Андреевны, уже давно развивалась серьезная болезнь, от которой сильно страдали ноги. Но время от времени, особенно поздней весной, когда начинали появляться желтые, мохнатые почки вербы, или ранней осенью с тихим разноцветным листопадом, они все вместе шли гулять в Парк культуры и отдыха. Шагали медленно, Андрей Яковлевич вел жену под руку, чтобы та не оступилась. Чаше всего гуляли молча, чтобы просто налюбоваться природой и вдоволь подышать свежим воздухом – редкое удовольствие для таких, вечно занятых работой, как главный геолог Кремс и директор НПЗ Молий.

И когда семью Кремсов дважды настигало сокрушительное горе – гибель старшего сына на фронте и смерть младшего от скарлатины – то и эти горькие потери они оплакивали вместе...

Но вот дожили и до долгожданной Победы. Отгремела она, отсалютовала, отсыяла неизбывной гордостью, слезами радости и почти нестерпимого счастья.

Жизнь входила в прежнее, мирное русло. Анна Молий уехала на два года в Москву – учиться в Академии нефтяной промышленности. По возвращении, когда поезд подходил к вокзалу, на перроне она увидела целые толпы людей. А как только вышла из вагона, ее обступили со всех сторон свои, родные заводчане: инженеры и рабочие подхватили своего директора на руки и под восторженные крики и смех стали подбрасывать ее в воздух...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

Накануне Великой Победы Кремса вызвали в Москву в Молотовский райком партии, где до сих пор хранилась его карточка кандидата в члены ВКП(б). Никаких документов об исключении его из партии не было, так что он считался полноправным членом советского общества. Стало быть, пришло время решать, что делать дальше.

На заседании райкома, на партийном бюро райкома и на партийной конференции Московского горкома партии Кремс дал подробные пояснения всему тому, что происходило с ним за эти прошедшие годы. После долгих раздумий было принято наиболее приемлемое решение: ввиду просроченности кандидатского стажа по уважительным причинам Андрею Яковлевичу следует вновь подать заявление о вступлении кандидатом в члены партии.

В 1946 году Кремс подал такое заявление в партийную организацию Управления «Ухткомбинат», а в июле 1947 года он был принят в ВКП (б).

Теперь ничто не напоминало о том страшном, унижительном и несправедливом времени, которое ему довелось пережить. Как, впрочем, и сотням тысяч советских граждан, чьи судьбы, жизни, семьи, дети, честь и достоинство пострадали самым чудовищным образом.

Но все это осталось в прошлом, а жизнь набирала новую силу, звала, манила, увлекала за новые горизонты. Кремс много, азартно и вдохновенно работал, был бодр и весел, шутил и смеялся, но мало кто знал, как долго еще он не мог спать ночами и вздрагивал от любого стука в дверь его квартиры. И

как долго еще саднила в его душе боль от гибели на фронте старшего, а потом смерти и младшего сыновей...

От безмерного горя спасала работа. В один из весенних дней 1946 года из первой скважины на Вой-Вожском месторождении забил фонтан долгожданной нефти. А Кремс уже торопился к другому месторождению – к востоку от Вой-Вожа. Он убежденно говорил о том, что «Ухта еще не сказала своего слова, это – только начало». Делать новый прорыв было еще рановато: одолевали трудности послевоенного времени. Однако время шло, и вот в 1959 году уже стали добывать нефть на Западно-Тэбукском месторождении. Стало известно, что запасы нефти там исчисляются не одним десятком миллионов тонн, а это в три раза больше всех запасов, которые были разведаны до этого за тридцать лет!

Затем было открыто богатое Джьерское месторождение нефти. Потом установлены промышленные притоки нефти в Большеземельской тундре, на реке Колве.

...Все дальше и дальше от Ухты уходила геологическая разведка «черного золота». И с каждым годом «главный геолог севера» Андрей Яковлевич Кремс все больше и больше влюблялся в город Ухту, о прекрасном будущем которого он мог говорить беспрестанно.

АРКТИКА И ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА

Кремс был неутомим. Он фонтанировал все новыми и новыми идеями проведения нефтепромысловых работ. Особенно его захватили мысли о поисках нефти в Арктике. Строгие геологические расчеты и природная интуиция позволили ему заняться организацией правительственной научной комиссии. Ему было поручено возглавить ее, снабдить всем необходимым и направить на Арктическое побережье в район Усть-

Енисейского порта Нордвика. Там, среди вечных льдов, комиссия тщательно проанализировала состояние поисковых работ нефти и газа «Северморпути» и разработала четкий план всех дальнейших действий с целью создания арктической базы.

Три месяца провел Кремс на Нордвике, работая так самозабвенно, что совершенно не замечал ни плохой погоды, ни бытовых неудобств, ни оторванности от городской цивилизации. Он уже давно привык не обращать на это никакого внимания – геолог до мозга костей! Главным для него было – дело и люди.

Вклад Андрея Яковлевича Кремса в арктические разработки был столь значимым, что за успешное выполнение правительственного задания он был награжден орденом Красной звезды.

НАДО, ЧТОБЫ ЛЮДИ ЗНАЛИ...

Шли годы.

Разработка нефтяных месторождений и добыча северной нефти продвигались быстрыми темпами. Успехи радовали.

Кремс охотно делился этой радостью с ухтинцами. Он любил писать статьи в городскую газету «Ухта», часто приходил в редакцию, общался с журналистами, давал интервью.

Вот как он отзывался о добыче тяжелой нефти на Яреге новым методом:

«Положительное и весьма успешное использование в СССР шахтного способа добычи нефти вполне своевременно выдвигает важную народнохозяйственную задачу широкого внедрения в практику нефтяной промышленности этого метода с целью дополнительной разработки истощенных, но содержащих еще значительные остаточные запасы нефти месторождений. В первую очередь, это касается хороших, преимущественно маслянистых нефтей там, где нельзя организовать искусствен-

Добыча тяжелой нефти на Яреге.

Возейское нефтяное месторождение

ное заводнение и другие мероприятия по интенсификации нефтедобычи с поверхности.

Широкое применение шахтного способа разработки старых месторождений с ценными видами нефти приведет к значительному увеличению извлекаемых запасов самой высокой промышленной категории без дополнительных затрат на поиск и разведку. В этом главное преимущество шахтной и карьерной разработки, которое можно охарактеризовать как максимальную экономию и рациональное использование нефти в народном хозяйстве.

Нефтяники Яреги внесли решающий вклад в развитие этого метода разработки нефтяных месторождений. В Ухте инженерами Котляровым, Осиповым и Юдиным была осуществлена оригинальная схема подземного бурения станка ПБС-2Т, что позволило технически решить проблему подземного бурения. Тут уместно назвать и других инженеров, внесших большой вклад в совершенствование шахтного способа добычи нефти. Это А. Нестеренко, П. Звягин, В. Мишаков, Е. Гуров, Н. Потетюрин, С. Здоров, А. Адамов, П. Воронин и еще многие другие. Всех их хорошо знают у нас в Ухте и в республике...

Многие нефтяники страны отказывались принять широкий размах шахтной добычи нефти. Бакинцы в этом не были исключением. Сейчас положение изменилось. Опыт нефтяников Яреги был для них настолько убедительным, что наши доклады на заседании Азербайджанского научно-технического общества и на совещании геологов в объединении «Азнефть» были встречены с большим одобрением. Все это дает основания сделать вывод, что шахтный способ добычи нефти получил всеобщее признание. Так что, приоритетом в этой области мы, северяне, можем гордиться с полным основанием...».

К 100-летию бурения на Ухте первой разведочной скважины на нефть А. Я. Кремс в своей статье «Нефтяная Ухта» с боль-

шим уважением и теплотой рассказывал о первых добытчиках нефти на реке Ухта – М. Сидорове и Ф. Прядунове. О том, с каким с неимоверным трудом, жертвенно и упорно трудились они, извлекая «черное золото». Всей своей жизнью они доказывали наличие больших запасов нефти на Севере, которой в разное время интересовались и царское правительство, и вождь мирового пролетариата, и различные зарубежные предприниматели.

«В связи с этим хочется подчеркнуть скромную, но весьма ценную в свое время роль и положительное значение первой разведочной скважины на нефть, забуренной в 1868 году на Ухте М. Сидоровым, вложившим в ее бурение практически все свое состояние и весьма значительную часть своего здоровья, писал Кремс. – Он очень много полезного и прогрессивного сделал для Севера России и, в частности, для нефтяной Ухты, пытаясь доказать на практике ее высокое промышленное значение.

В этом отношении М. Сидоров, как и его замечательный предшественник – Ф. Прядунов вполне заслуживают того, чтобы быть увековеченными путем сооружения им памятников в Ухте на Октябрьской площади города, перед зданием Центрального дома культуры нефтяников.

Бурение первой разведочной скважины знаменует собою и 100-летие механического бурения на севере, на Ухте. В целом, это представляет собой исключительно важную для нефтяной и газовой промышленности Коми республики юбилейную дату, которая является особенно дорогой и близкой для геологоразведчиков и нефтяников и потому должна быть отмечена в соответствующей торжественной обстановке...».